

ОБРАЗ ГОРОДА ХАНТЫ-МАНСИЙСКА В РАЗНЫЕ ЭПОХИ

М. М. Рябий

Образ любого города складывается постепенно, что связано с множеством различных факторов – исторических, географических, природных, культурных и прочих. Духовный лик столицы Ханты-Мансийского автономного округа и то, как он менялся на протяжении нескольких исторических эпох, отражен в летописях, записках путешественников, художественной литературе и уже в самой смене его наименований. Прежде чем стать городом Ханты-Мансийском, он был Остяко-Вогульском, а еще ранее, в XVI веке, до прихода в Сибирь Ермака и его сподвижника Богдана Брязги, – Самарово – Самаровским по имени местного хантыйского князька Таирка Самара)¹ [1: 13]. Тогда об этом маленьком населенном пункте можно было узнать из книг ученых и путешественников, положивших начало краеведению Югры и, в частности, формированию образа Самарово, из дошедших до нас воспоминаний современников далеких эпох, а позже – из газетных публикаций и сохранившихся частных писем.

Одно из наиболее известных ранних упоминаний встречается в Кунгурской летописи. (Эти сведения подтверждаются и Сибирской (Строгогановской) летописью). В ней, написанной в конце XVI века одним из участников похода Ермака², наиболее верно изложено завоевание владений князя Самара: «Ему и его родственникам принадлежала прибрежная территория столицы Югры. В начале семнадцатого века в русских источниках фигурирует имя его сына в качестве князя Белогорья...» [5: 245–267]. Самые подробные сведения о Самарово можно встретить у Хрисанфа Мефодьевича Лопарева, уроженца этого села. Рассказывая о завоевании владения князя Самара 20 мая 1583 года, он приводит народное предание: отряд казаков, насчитывающий всего 50 человек при штурме применил хитрость, наделав чучел бойцов из всего, из чего только возможно, и выставил их шеренгою на своих судах. «Осыпаемые градом стрел, чучела покачивались, но продолжали стоять, к немалому ужасу Остяков, принимавших их за живых людей» [7: 2].

Так, образ югорской столицы, в прошлом Самарово, – теперь эта древняя часть города, – включает в себя миф о священной земле, Белогорье, которую не смог защитить князь Самар от вторжения русских. Земля, на которой расположен нынешний Ханты-Мансийск, – владения Золотой женщины, (золотой бабы) – Белогорье: «И оттуда прошел к Оби и, увидя незаселенные места и редкое жилье, остановился на Белогорье. Тут было у них мольбище великое богине древней: нагая, с сыном на стуле сидящая, принимающая от своих жертвы. И жертвуют ей часть от любой добычи, а если кто по обету не пожертвует, того мучит и сушит, а кто принесет ей жалея, тот, перед ней упав, умрет; ведь имела жрецов и общину многочисленную. Когда же дошло до их слуха о приезде Богдана, то велела спрятать себя, а всем бежать, и огромное мольбище идольское скрыла вплоть до сего дня» [5: 245–267].

Местоположение Самарово оказалось выгодным для путешественников. 28 июля 1692 года в Самарово на пути в Китай здесь остановился новый московский посланник Эбергард

¹ В одном из исследований, посвященных Ханты-Мансийскому району, даются следующие пояснения о возможных кандидатурах руководителей этой экспедиции: «По мнению историка Д. И. Копылова, походом в низовья Иртыша руководил сам атаман Ермак Тимофеевич, по другим версиям – поход возглавил один из атаманов Ермаковой дружины – либо Никита Пан, либо Богдан Брязга. Современные исследователи Р. Г. Скрынников и Е. К. Романовская отрицают возможность участия в походе Б. Брязги, так как он погиб, по всей вероятности, еще в битве у Абалацкого озера».

² Атаман М. Мещеряк вывел из Сибири около 90 человек, еще остававшихся в живых, после гибели легендарного Ермака – предводителя отряда в несколько сотен казаков в августе 1585 года.

Избрант Идес³, путешествовавшего по этим местам в конце XVII века, его интересовало уже совершенно иное: «28-го прибыли мы благополучно в Самаровской Ям, где я получил несколько гребцов и велел поставить мачты на больших судах для того, чтобы при попутном ветре мы могли плыть далее вверх по Иртышу, до Оби, ибо недалеко от Самаровского Яма Иртыш впадает несколькими протоками в знаменитую реку Обь ...» [2: 90–91]. В своих записях он упомянул и о жителях, населявших Самаровский ям и его окрестности, находившихся на государственной службе: «Большая часть жителей здесь – русские ямщики, получающие ежегодно жалованье от его царского величества, за что они должны бесплатно обеспечивать подводами и рабочими присланных воевод и всех других проезжающих по служебным делам его царского величества в Сибири и за небольшую плату возить их летом по воде, а зимой по льду...» [2: 91]. В то время существовали две дороги в Сибирь: одна – южная, через Казань, большей частью водой, пригодная в летнее время, и другая – северная, через Вологду, зимняя, преимущественно сухопутная. Обычно посольство проезжало Самаровский ям летом. Так будущая столица Югры становится Самаровым ямом – перевалочным местом для путешественников, с каждым десятилетием приобретающим свою значимость.

В конце XIX столетия в очерке Лыткина «Село Самаровское» предстает во всей красе: «Над пароходной пристанью величественно поднимается с крутым спуском гора, обросшая прекрасным лесом. Особенно красивы кедровые деревья – величественно раскинулись они по склону горы и приветливо манят к себе утомленного однообразием пустынных видов путника. Лес этот, по-видимому, оберегается здесь заботливо... Главные улицы довольно прямые и благодаря твердой, с крупной галькой, почве не грязные... Близ горы на небольшой площадке возвышается прекрасная трехпрестольная каменная церковь, построенная в 1815 году, во имя Покрова пресв. Богородицы и пределов: Знамения Божией Матери и Св. Чудотворца Николая... Большинство домов в Самарове двухэтажные; некоторые из них отличаются красотой...» [7: 89–90]. В начале XX века Самарово – один из районных центров округа, находящийся под неусыпным контролем местной власти. В госинформационных сводках о состоянии Тобольского округа в 1920-е годы о настроении сельчан говорится следующее: «В с. Самаровом население недовольно тем, что каждый день им приходится иметь в наряде три лодки с 12-ю человеками рабочих, лодки необходимы для перевозки командированных и др. лиц. Этот наряд с 12-ю человеками ежедневно является для них обременительным, отнимает много времени, что отражается на их хозяйстве, о чем поставлен вопрос перед Риком (Районный исполнительный комитет) об уменьшении наряда на одну лодку. Среди всего населения можно слышать ропот по поводу налогов, высказываются против проводимых разнородных взиманий и что ЕСХН (Единый сельскохозяйственный налог) назван неправильно, что после него берут еще другие налоги, лучше бы сложили все в одно, тогда бы крестьянин был в спокойе, что он уплатил все и что с него больше брать не будут, выражают пожелание, чтобы налог брался исключительно деньгами, но не пушниной и т. п. [3: 187–188].

Власти, обнаружив недовольство людей, начинали потуже закручивать гайки. К началу 1930-х годов Самарово – довольно крупное по тем временам село. Жители его занимались традиционными промыслами – рыбной ловлей, охотой, да еще извозом в зимний период. Особенностью села, выделявшего его среди других, было наличие собственной радиостанции, мачты которой были установлены на горе и были видны за десятки километров.

В 1930 году вышло постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», согласно которому в составе Уральской области были созданы два национальных округа, один из которых – Остяко-Вогульский (ныне Ханты-Мансийский) с центром в селе Самарово, переименованным в город Остяко-Вогульск.

---

³ Избрант Идес, иноземный купец, приехавший в Россию торговать. Совершил в качестве русского посланника в 1692–1695 годах поездку в Китай. Помощник Петра I и один из промышленных деятелей Петровского времени, Идес принадлежал к многочисленной группе иностранных купцов и наемников, проникших в Россию в поисках наживы или карьеры.

В дальнейшем не раз вставал вопрос о переносе окружного центра в другое место. Ханты-Мансийску предсказывали судьбу захудалого районного центра, который в скором времени зачахнет, а управление округом переместится в Горноправдинск. Но, расположенный на стыке мощных водных магистралей Оби и Иртыша, даже при наличии искусственных дорог не потерял своего значения⁴.

Воспоминания спецпереселенца Н.П. Родионова, написанные им в середине 1960-х годов, имеют говорящее название «На медленном огне»: «...В начале июня 1930 года переселенцев, способных работать, направили для постройки поселка... Всякий выход со стройки был запрещен... Нас поставили в положение скота. Что-то требовать в свою защиту мы не имели права. За высказывание своих обид или невыполнение норм выработки лишали пайка хлеба, сажали в карцер. Кроме того, открылось строительство городка, который впоследствии назвали Ханты-Мансийск. Там была устроена колония штрафников, и неугодных коменданту на целый месяц направляли туда. Многие там умирали от непосильной работы и голода. Те же, кто возвращался, были настолько истощены, что падали от ветра [3: 84–109].

Зато в стихотворениях тех же лет, размещенных в окружной газете «Сталинская Трибуна», город Ханты-Мансийск изображен райским местом:

Мы дружно приносим богатства стране,
Лесом, пушниной и рыбой трудясь.
Отступили леса, пилы звонко поют,
Дружно стройки идут без конца,
Вырос наш молодой Ханты-Мансийск,
Ярки огни над тайгой.
Вместе идут в поле трактор с комбайном...
Урожай стопудовый дает нам земля.
Ясли выросли, школы, больница.
Колхозы в тайге нашей крепнут, цветут.
Детвора утром в школы, ликуя, спешит.
Хантыйка в ясли несет малыша
Всюду радость бурлит и веселье, и смех...
Радостью всех озарил ты, наш Сталин!..

(«Из письма товарищу Сталину от трудящихся Ханты-Мансийского округа», изложенном в стихах в газете «Сталинская трибуна» за 31 января 1941 года).

Письмо было принято 12 января 1941 года на митингах трудящихся поселка Ханты-Мансийска и с. Самарово с участием депутатов и гостей, прибывших на окружную юбилейную сессию из всех районов в связи с 10-летием Ханты-Мансийского национального округа. На митингах присутствовало более 3000 человек.

Газета с гордостью указала на своих национальных поэтов:

«Письмо изложили в стихах:

т.т. Животиков П. К.,
Казаков К. И.,
Пестов С. Ф.,

⁴ При преобразовании поселка Ханты-Мансийска в город в 1951 году городская черта между Ханты-Мансийском и Самарово, ранее установленная на просеке, где позднее разместился медгородок, была ликвидирована. С тех пор город, как единое целое, стал расти вдоль и ввысь. Канули в прошлое село Самарово, поселки Перековка и Рыбный. Сейчас эти названия имеют лишь топонимическое значение, сохранившееся в памяти старожилов.

Макушин Д. Ф.,

Лазарев Г. Д.»

В списке подписавшихся – Григорий Лазарев. Это не первая газетная публикация, под которой он подписывается. В одном из ранних номеров газеты можно обнаружить стихотворение Григория Дмитриевича «С нами Ленин и Сталин» (газета «Остяко-Вогульская правда» № 17, от 21 января 1940 года):

Кто нашим сердцем будет –
Лучший друг Ленина – Сталин.
Ленинской силы Сталин
Народные весла берет,
Лодкой по-ленински правит,
К свету и счастьем ведет.
А Ленин не умер, я знаю,
Он в каждом из нас живет,
Трудиться он нам помогает,
На промысел нас ведет
Как солнце весь мир озаряет,
Так Ленина мысли сияют,
И их не потушит никто.

Из этого стихотворного фрагмента можно сделать вывод: политическое лицо города ничем не отличается от лиц других населенных пунктов, если верить всему написанному домощенными писателями.

В газетном повествовании Григория Лазарева «Конюх» (1940) рассказано о герое Остяко-Вогульского региона Кольке Толстогузове. О молодом человеке ведется повествование как о работнике, но не юноше со своими наклонностями и увлечениями. Личность в те времена ценилась за героический труд: «Редко можно было видеть Николая Толстогузова где-нибудь в другом месте, кроме конного двора. В короткий срок Николай стал хорошим конюхом и самостоятельно повёл дело... *Рабочий день у Николая начинался с 4 часов утра.* Вставая, он шёл осматривать лошадей. С вечера знал, куда и какие лошади потребуются на следующий день утром. Кони всегда были готовы до того, как придут за ними рабочие.

Делов у Николая было много. Наведя порядок на конном дворе, он шёл в правление колхоза, здесь учитывал дневную работу, начислял трудодни, заносил их в табель. *Поздно вечером т. Толстогузов начинал свой отдых*» [8].

То было время, когда государство нуждалось в таких людях, духовными братьями которых были Павел Корчагин и Павлик Морозов – надежные «винтики» государственной машины. «Тема» окружного центра возникает в конце очерка как возможность его трудового отличия.

В стихотворении Лазарева «Молодой охотник – новый человек» (1940) Ханты-Мансийск осмыслен культурным центром таежного края:

Я в лесной глуши родился,
Где столетние кряжи.
В раннем детстве научился
Делать лыжи и ножи.

Смело зверя настигая,
Все урманы исходил

И в родной тайге немало
Новых троп я проложил.

Стал я в городе учиться,
На иртышском берегу,
Чтоб культурным возвратиться
В нашу дальнюю тайгу.

(перевод Виктории Сенкевич) [6: 23–24]

Искренняя надежда на лучшую жизнь переполняет героя стихотворения, выступающего в роли резонера автора. Однако молодому поэту не скоро было суждено возвратиться в свою «дальнюю тайгу». Грянула Великая Отечественная война. Образ города Ханты-Мансийска с его жителями в послевоенные годы сливался с образами других городов, праздновавшими Великую Победу.

В «оттепельные» годы в омском книжном издательстве вышла книга М. К. Юрасовой «Путь реки». В ней есть глава и о Ханты-Мансийске, которой дается описательно: «Рыбачий край. Город в тайге. Земля ханты и манси. Лес и меха. У иртышского устья... Самарово встретило нас рыболовецкими судами... От этих малых рыбачьих судов тесно становилось на широком плесе реки. Мне даже казалось, что на палубе нашего теплохода я ощущаю запах рыбы и соли» [9: 254–255].

Автора город поразил «деревянным зодчеством» и зеленью: «... взбегают по склону Самаровой горы деревянные дома, пестрые палисадники, огороды в лиловых разливах картофельного цвета, в золотых, похожих на крохотные солнца, шапках подсолнечников, багрянцах нежных маков. Местами они повисли на такой крутизне, что кажется, дохнет ветер и сразу сорвет всю эту веселую домашнюю зелень. А сразу за огородами строго синее тайга. Необычно это соседство сиреневых картофельных глазков, подсолнечников рядом с темной стеной пихт и кедрочек. Но в годы великих строек советский народ строил мир заново, поэтому в книге Юрасовой Ханты-Мансийск – ровесник Магнитогорска, Днепроостроя, Комсомольска-на-Амуре: «...И вот уже рождается первая улица. Ее прорубили в тайге, как шоссе. Она похожа на трелевочный волок. И по обочине волока четыре деревянных одноэтажных дома. А сразу за домами – стена кедрочек. Эту первую улицу назвали именем Коминтерна, заложили ее в 1931 году» [9: 269–270].

В облике столицы Югры в 30–50-е годы прошлого столетия совершенно нет места человеку, важна лишь его социальная оболочка, человек был приложением к идеям вождей социализма – и Ханты-Мансийск здесь не исключение. Описывать домашний и трудовой быт писатели и публицисты тоже не особенно стремились: люди жили просто, довольствуясь самым необходимым, и это не казалось им чем-то героическим. Бывало и такое – в магазины не завозились по «чьей-то ошибке» продукты и товары народного потребления (Николай Коняев «Моя нечаянная Родина») [4: 22–83]. Писатели восхищались энтузиазмом и романтикой жителей Югры и Ханты-Мансийска.

Исторически сложившееся название города Самарово наибольшим образом отражало его историю, указывая на связь мифом. Следующая номинация Самаровский ям – явилась конкретизацией эпонима – отразила социальную ценность будущей столицы, обусловленной его географическим положением. Смена эпонима на неопределенно-личное название Остяково-Вогульск, а затем Ханты-Мансийск связана с общеполитической установкой Советов на nivelирование традиции. Оно указывало не столько на национальную принадлежность жителей города (хотя правительство всячески подчеркивало свою заботу о коренных народах Севера), сколько на принадлежность к административно-территориальной карте государства. В соответствии с именем в прессе и художественной литературе вплоть до 1990-х годов выстраивался и советский образ города – новостройки коммунистического будущего, лишённого примет прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загороднюк, Н. И. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района [Текст] / Н. И. Загороднюк [и др.] ; под ред. А. Ю. Конева и В. Г. Усманова. – Тюмень, 2003.
2. Идес, И. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695) [Текст] / И. Идес, А. Бранд. – М., 1967. – С. 90–91.
3. Из сводки на 25 июня 1924 г. [Текст] / ред.-сост. В. Белобородов // Подорожник : краеведческий альманах. – Тюмень, 2010. – Вып. 12.
4. Коняев, Н. И. Меж двух берегов. Выборочные главы из документального повествования «Моя нечаянная родина» [Текст] / Н. И. Коняев // Эринтур. – Ханты-Мансийск, 2008. – Вып. 13.
5. Кунгурская летопись [Текст] / сост. Е. И. Дергачева-Скоп // Летописи сибирские. – Новосибирск, 1991. (Орфография, пунктуация и стилистика исторических документов при цитировании практически нами не менялись).
6. Литература Югры. 1930–2000. Поэзия. Антология [Текст] / ред.-сост. Н. И. Коняев. – Ч. I. – ИФ «Унисерв», 2001.
7. Лопарев, Х. Ф. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом [Текст] / Х. Ф. Лопарев. – Тюмень, 1997.
8. «Остяко-Вогульская правда» [Текст]. – 1940. – № 95. – 24 апреля.
9. Юрасова, М. К. Путь реки [Текст] / М. К. Юрасова. – Омск, 1958.